

Сравнительно-исторический анализ конструкций с модальными глаголами в германских языках, проводимый И. Р. Бунятовой, показывает частичное сохранение конкретного лексического значения в образовании форм модального будущего времени в древневерхненемецком и древнесаксонском языках [2, с. 198]. В некоторых современных германских языках, в частности в английском языке, глагол *shall* участвует в образовании форм будущего времени.

2) *wellen/wellan/wollen* + инфинитив.

Конструкции с модальным глаголом *wollen* (хотеть, желать) в современном немецком языке отражают факт наличия у субъекта некоторого желания, проявляющегося в момент речи. В древневерхненемецком языке глагол употребляется как в модальном значении:

Thio druhtin wolta machon (Ofr. EB NFS; 22)

Что господь хотел сделать

Wili mih dinu speru werpan (HL, 40)

Хочешь сбросить меня своим копьем

так и в конструкциях со значением будущего:

Nu will ich ufsten unte will in suochan after dero burg in gazzon unte in strazon (Williram, 12)

Тотчас встану и пойду искать его в этом городе на улицах и в переулках

Таким образом, обозначение будущего в древневерхненемецком языке с помощью модальных глаголов *sculan/solan* и *wellen/wellan/wollen* является продуктивным и по данным В. М. Жирмунского преобладающим [3, с. 294]. Однако в современном немецком языке эти формы не грамматизованы и употребляются только с модальным значением.

Дальнейшую перспективу исследований может составить анализ эволюции рассматриваемых нами конструкций, а также изучение структурно-семантических и функциональных особенностей составных сказуемых с другими модальными глаголами на разных этапах развития немецкого языка.

Литература

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 334 с.
2. Бунятова И. Р. Эволюция гипотаксиса в германских мовах (IV-XIII ст.). – К.: Вид.центр КНЛУ, 2003. – 327 с.
3. Жирмунский В. М. История немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1965 – 408 с.
4. Москальская О. И. История немецкого языка. – Л.: Просвещение, 1969. – 286 с.
5. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая морфология немецкого языка. – Л.: Просвещение, 1968. – 262 с.
6. Сравнительная грамматика германских языков. В 5-и т. – М.: Наука, 1966. Т. IV. Морфология. – 496 с.
7. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte. 5. Aufl. – Tübingen, 1965. – 360 с.
8. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache. – Leipzig, 1970. – 428 с.

Список источников иллюстративного материала и принятых сокращений

HL – Hildebrandslied – Фрагмент рукописи 9 века.

LB – Lorscher Beichte – Рукопись 9 века.

Musp – Muspilli – Рукопись 9 века.

Ofr. EB NFS – Otfrids Evangelienbuch. Neptue Factae Sunt – Рукопись 9 века.

Ofr. EB FDH – Otfrids Evangelienbuch. Fuit in Diebus Herodis Regis Sagerdos Nomine Zacharias – Рукопись 9 века.

PN WK – Pater noster aus dem Weißenburger Katechismus – Рукопись 9 века.

Williram – Williram – Рукопись 11 века.

Дорофеев Ю. В.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ИНВАРИАНТНАЯ ФУНКЦИЯ ТЕКСТА

Перед каждым исследователем текста рано или поздно встает вопрос, для чего нужен текст? Что заставляет человека говорить? С какой целью продуцирует текст автор. Ответ на это вопрос непременно обуславливает не только точку зрения на анализ и интерпретацию текста, но и гносеологическую и методологическую позицию исследователя. Таким образом, определение основной функции текста явно или неявно заложено в каждом исследовании. Именно на основе этого определения выводятся остальные признаки текста, а также устанавливается степень значимости каждого отдельно взятого признака.

Цель нашего исследования – определить инвариантную (исходную) функцию текста и на этом основании дать функциональное определение текста. Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

– соотнести между собой ряд функций, традиционно приписываемых тексту;

– определить инвариантную функцию текста;

– охарактеризовать текст как функциональную систему с точки зрения реализации функции воздействия.

Текст – это единственная из всех форм существования языка и речи, которую мы можем наблюдать в объективированном виде и которая доступна для восприятия. Поэтому в самом общем виде текст можно определить как «речь, организованную в соответствии с преследуемой субъектом говорения целью» [12, с. 34]. Следовательно, язык, речь и текст – это, по сути, одно и то же явление в разных формах, то все, что было сказано учеными о функциях языка, напрямую относится к речи и к тексту, и, наоборот, все, что говорилось о функциях текста, относится к языковой системе в целом.

В современной лингвистике науке продолжается спор о том, какую функцию языка считать основной: коммуникативную (информирование), либо регулятивную (воздействие). Некоторые исследователи в качестве первичной функции выделяют: эстетическую, выражения, мыслительную, познавательную, кумулятивную и т. п. [11], но при этом особо отмечается тот факт, что «коммуникативная реализация языка – основная и первичная, все некоммуникативные реализации языка – вторичны» [6, с. 170]. М. М. Бахтин, обсуждая этот вопрос, отмечал, что игнорирование или недооценка коммуникативной функции языка приводит к тому, что «язык рассматривается с точки зрения говорящего, как бы одного говорящего без *необходимого* отношения к другим участникам речевого общения» [1, с. 258-259].

Таким образом, М. М. Бахтин указал на самую суть языка: язык нуждается не только в говорящем и предмете его речи, но и в слушателе, причем не таком слушателе, который только пассивно понимает говорящего, а в таком, который занимает по отношению к речи «активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т.п.; и эта ответная позиция слушающего формируется на протяжении всего процесса слушания и понимания с самого его начала» [1, с. 260].

Именно вследствие осознания этой особенности языка на первый план в начале прошлого века была выдвинута коммуникативная функция языка, а затем и регулятивная. Однако спор о том, какая из этих функций является главной, не закончен по сей день. Можно приводить множество высказываний, которые подтвердили бы справедливость этого тезиса, но, думается, доказательства тут излишни. На наш взгляд, данное противоречие может быть разрешено, если отказаться от разграничения функций языка на главные и второстепенные. Как представляется, более рациональным в данном случае будет определить *инвариантную* функцию языка, которая может быть реализована в каждом конкретном случае по-разному: как передача информации, как приказ, как выражения мыслей и чувств и т. д.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что в большинстве исследований вопрос о том, какая функция языка является основной, не ставится, так как априори предполагается, что это функция коммуникативная. Несомненно, эта традиция идет еще от «Тезисов пражского лингвистического кружка», авторы которых, определяя язык как «систему средств выражения, служащую какой-то определенной цели» [14, с. 17], все-таки выделяли у языка ряд функций (в том числе коммуникативную и выразительную), не стигматизируя их. В дальнейшем в лингвистическом сознании неразрывно связалось представление о функционализме, основателями которого считаются пражцы, и о главной функции языка, что позволило исследователям в конце XX века отметить, что изучение функциональной стороны языковых явлений есть «результат практически никем из лингвистов не оспариваемого положения о том, что язык является средством общения с ведущей коммуникативной функцией» [2, с. 9].

Однако с этим нельзя согласиться: далеко не все лингвисты рассматривают язык как средство общения (коммуникации). Более того, как показывает анализ, в лингвистических исследованиях следует различать коммуникацию как процесс и воздействие (или потенциальную возможность воздействия) как цель коммуникации.

В самом общем виде под коммуникацией подразумевается общение (обмен мыслями, сведениями, идеями) людей при помощи языка [5]. А. А. Брудный разграничивает коммуникацию и общение: «коммуникация – это направленная связь, т. е. связь, которая выражается в передаче сигналов» [4, с. 88], а общение – это «отношение людей к действительности, выраженное через передачу информации от человека к человеку» [4, с. 105]. Далее им выделяются три функции (цели) коммуникации: «активационная (побуждение к действию в определенном, осознанном направлении); интердиктивная (восприятие, затормаживание всех возможных вариантов действия, кроме одного необходимого, главного); дестабилизирующая (угрозы, проклятия)» [4, с. 90]. Как можно убедиться, инвариантом для всех трех функций является воздействие на человека (его поведение и мышление) с какой-либо конкретной целью.

Такое разграничение имеет место и в других работах. Так, в монографии Т. Н. Лившиц «Реклама в прагмалингвистическом аспекте» «на основании типов речевого воздействия на реципиента выделяются три типа рекламы – информирующий, убеждающий и внушающий» [9, с. 7], при этом отмечается, что основной целью рекламной коммуникации является воздействие на адресата [9, с. 12]. Поэтому «выделение трех типов воздействия – в определенной мере условность, поскольку в сфере реального функционирования рекламного языка все эти типы находятся в тесной взаимосвязи и служат реализации единой функции – функции воздействия» [9, с. 51].

В. М. Сергеев, рассуждая о когнитивных исследованиях, говорит о том, что «суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определенным образом соотносятся с «моделями мира» говорящего, но не обязательно повторяют их», а также что «язык выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов» [13, с. 7]. Эти же идеи утверждаются и в сборнике работ зарубежных лингвистов «Язык и моделирование социального взаимодействия». В частности, Р. Блакар в своей работе «Язык как инструмент социальной власти» пишет: «мысль о том, что наше с вами повседневное использование языка, наш нейтральный неформальный разговор предполагает осуществление власти, т. е. воздействия на восприятие и структурирование мира другим человеком, эта мысль может показаться одновременно удивительной и дерзкой ... И все-таки ... представляется, что всякое использование языка предполагает такой структурирующий эффект» [3, с. 92].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что «полученная информация производит определенное воздействие на управляемую систему. Собственно говоря, для этого она только и необходима. Потребляющая информацию система ведет себя по той же схеме, по какой совершается сам акт восприятия информации: если до получения информации существовало множество возможных состояний, дающее представление о потенциальном объеме возможностей системы, то после получения информации будет выбрано одно из этих состояний. Этим состоянием может быть, в частности, то, в котором система находилась» [10, с. 97-98]. Поэтому существование информирования «в чистом виде» («Поезд прибывает в 16-00») [7, с. 103] не более чем иллюзия: те, кто ждут этого поезда (отъезжающие и встречающие) берут свои вещи и идут на указанный путь.

Таким образом, «коммуникация – это процесс взаимодействия и взаимосвязи людей, при котором они взаимно адаптируются друг к другу в своем поведении путем передачи и понимания информации о той или иной реальности» [15, с. 40]. А суть процесса общения заключается в том, что один человек передает другому свое отношение к действительности путем отбора соответствующих языковых средств, организованных в единый текст. Целью коммуникации является воздействие на картину мира реципиента.

Следовательно, «продуцирование любого текста преследует цель преобразования некоторого более или менее конкретного адресата, образы исходного и искомого состояния которого неизбежно присутствуют в совокупной модели среды источника, составляя основную часть содержания текста и определяя его форму. То есть генетически и фактически исходная фундаментальная функция сообщения – целенаправленное преобразование сознания адресата, и именно этой задаче (независимо от степени осознания ее коммуникатором) подчинены номинативная, экспрессивная и прочие функции текста» [8, с. 167].

В соответствии со всем вышеизложенным в нашей работе в качестве инвариантной функции языка и текста принимается функция регулятивная (воздействия). Эта функция обуславливает природу и строение языковой системы.

Эта идея далеко не нова и восходит еще к античности: именно тогда возникла риторика как наука о формах и методах речевого воздействия на человека. На протяжении веков она (идея) то исчезала из поля зрения ученых, то вновь оказывалось в центре внимания. Особенно четко идея регулятивности проявляется в теориях происхождения языка В. И. Абаева и Б. Ф. Поршнева.

Человек живет в мире, который устроен во многом не так, как Человеку хотелось бы. Чтобы в максимальной степени приблизить мир к идеалу, сложившемуся в сознании коллектива или индивида, люди преобразовывают Универсум в процессе своей деятельности. И чтобы эта деятельность была более эффективной, человечество пришло к необходимости создания инструментов (орудий). Орудия помогают добиться максимального результата при переустройстве Универсума [12, с. 19-41].

Но ведь объектом нашей деятельности является не только мир материальный. Что делать, если, с нашей точки зрения, окружающие ведут себя неверно, воспринимают мир не таким, каков он есть? Какой инструмент можно использовать для исправления этого противоречия? «Единственным данным человеку самим человеком инструментом «наведения порядка» в сознании собеседника является текст» [12, с. 37]. То есть текстами человек пользуется так же, как инструментами. Текст появляется в процессе говорения, который представляет собой «использование языка с целью порождения текстов» [12, с. 34]. Говорение характеризуется, подобно другим видам человеческой деятельности целью, мотивом, потребностями, средствами достижения цели и др. [Шелякин, с. 39] и направлено на преобразование действительности. Только в качестве действительности выступает картина мира реципиента. А в качестве средства достижения цели используется текст, который представляет собой своеобразное орудие преобразования этой «действительности».

Определив функцию текста как регулятивную, мы должны отказаться от таких понятий, как «монолог» и «диалог», так как «текст всегда есть компонент полилога, составная часть текстового взаимодействия, являющегося по сути же основной формой осуществления социального взаимодействия» [12, с. 38]. Иными словами, текст всегда существует как реакция на текст собеседника и он всегда предназначен для кого-то, он не изолирован.

На это указывал еще М. М. Бахтин, который полагал, что «всякий говорящий сам является в большей или в меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличием каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, – к которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю)» [1, с. 260-261].

На основе всего сказанного можно сделать следующие выводы. 1) Текст «является орудием формирования, экспликации и навязывания мысли [12, с. 41]. 2) Каждый отдельный текст реализует функцию воздействия в конкретной ситуации. 3) Текст представляет собой функциональную систему, то есть такую, «возникновение и существование которой обусловлено необходимостью выполнения некой социально значимой функции» [12, с. 41]. Следовательно, с функциональной точки зрения текст можно определить как продукт процесса говорения, созданный с целью воздействовать на адресата, обладающий индивидуально-авторским содержанием и структурой, способной передать это содержание.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Бациевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов: Світ, 1997. – 391 с.
3. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс. – 1987. – С. 88-126.
4. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 336 с.
5. Горелов И. Н. Коммуникация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 233.
6. Заика В. И. Эстетическая реализация языка // Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr. Warszawa. – 2000. – С. 167-180
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 285 с.
8. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
9. Лившиц Т. Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. – Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического университета, 1999. – 212 с.
10. Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. – Новосибирск: Наука, 1982. – 264 с.
11. Норманн Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
12. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
13. Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 3-20.
14. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. Сост., ред. и предисл. И. А. Кондрашова. – М.: Прогресс. – 1967. – 558 с.
15. Шелякин М. А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учебн. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 296 с.